

Ликвидация прошлого: Колумбия — Москва — Колумбия

K.Meshkat, J.M.Rojas (eds.). Liquidando el pasado: La izquierda colombiana en los archivos de Moscú. Bogotá, Ed. FESCOL, 2009, 850 p.; I.Torres Giraldo. Cincuenta meses en Moscú. Cali, Universidad del Valle, 2008, 265 p. К.Мешкат, Х.М.Рохас (сост.). Ликвидируя прошлое: колумбийское левое движение в московских архивах. Богота, 2009 850 с.; И.Торрес Хиральдо. Пятьдесят месяцев в Москве. Кали, 2008, 265 с.

В антологии документов архива Третьего Интернационала, составленной немецким и колумбийским исследователями К.Мешкатом и Х.М.Рохасом, всесторонне исследован процесс формирования, становления и «ликвидации прошлого» — «большевизации» Социалистической революционной партии Колумбии. Во второй рецензируемой книге те же события рассматриваются через восприятие их участника, ветерана колумбийского рабочего движения. Сравнение двух «живых историй» позволяет читателю составить объективное представление о ярких событиях колумбийской истории 1920—1930-х годов.

Ключевые слова: Коминтерн, «большевизация» коммунистического движения, «банановая забастовка», правый уклон.

Объем первой из рецензируемых книг явно нетипичен даже для исторических работ. Ее вполне можно считать Библией колумбийского левого движения 1920—1930-х годов. Ведь немецкий историк и социолог Клаус Мешкат и его колумбийский коллега Хосе Мария Рохас собрали в этой антологии почти две сотни документов Коммунистического Интернационала и его колумбийской секции, позволяющие всесторонне, с принципиально новых позиций исследовать историю компартии. А эпопея отношений между Москвой и левым движением страны да и всей Латинской Америки — это история обретения новой веры, означавшей неизбежную необходимость

распрощаться с прошлым, «ликвидировать» его. И тому подтверждение — вторая рецензируемая работа: воспоминания одного из руководителей Социалистической революционной партии Колумбии (Partido Socialista Revolucionario de Colombia, PSRC, позднее — компартии, Partido Comunista de Colombia, ПСС) Игнасио Торреса Хиральдо о его поездке в Москву, изданные уже после смерти ветерана коммунистического движения. 50 месяцев провел колумбиец в столице победившего пролетариата, и это время стало периодом тяжелого и показательного «прощания» с «буржуазным прошлым», с прежней биографией и немалым опытом работы в рядах

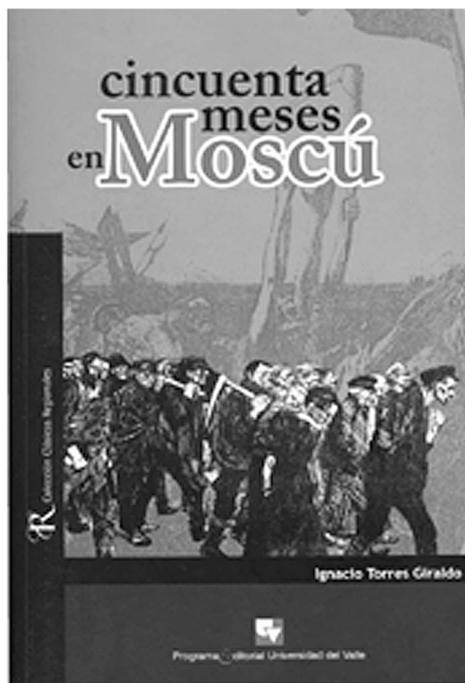
революционеров, периодом, когда он научился не видеть то, что происходило вокруг него, точнее, научился смотреть на события через призму решений, принимаемых штаб-квартирой Коминтерна.

Сборников документов, освещающих взаимоотношения Коминтерна с его латиноамериканскими секциями, уже несколько — они увидели свет в Москве, Мехико и Сантьяго. Но работа К.Мешката и Х.М.Рохаса — явный шаг вперед в этой нелегкой работе по сбору документальных источников. Здесь не только прослеживаются этапы контактов между III Интернационалом и левым движением Колумбии. Красной нитью через работу проходит деятельность сотрудников аппарата всемирной компартии по превращению PSRC в Коммунистическую партию — «большевизация» должна была стать «перековкой» активистов, их трансформацией в революционеров нового типа. Антология полна примеров противостояния свободных людей нарастающему влиянию партийного аппарата как внутри Колумбии, так и за ее пределами. Всего год спустя после основания компартии протагонисты ключевых событий революционного движения 1920-х годов были обозначены в коминтерновской документации и документах самой РСС как негативные фигуры и даже контрреволюционные предатели. Почему так случилось, что они были оклеветаны, как все это повлияло на развитие колумбийского коммунистического движения? Об этом читатель узнает, ознакомившись с рецензируемыми книгами.

Авторы-составители дают понять: их задача заключается в «критическом осмыслении сталинизма на основе не известных прежде исторических источников», они сознательно отстраняются от разоблачительной литературы, выходящей из-под пера ренегатов компартий и любителей поиска сенсаций. И Мешкат, и Рохас — люди, уважительно и с симпатией относящиеся к революционному движению, и именно поэтому они хотят восстановить его историю, очистив от догматических схем. В исследовании также предпринята серьезная попытка анализа состава социалистического руководства на протяжении четырех лет деятельности PSRC — с ноября 1926 г. по июль 1930 г.

Несмотря на то, что в Колумбии уже выходили работы по истории РСС, для массового читателя история PSRC остается в значительной мере terra incognita. Между тем, партия была влиятельным актором на политической сцене страны во второй половине 1920-х годов, она организовывала массовые профсоюзы и аграрные лиги, инициировала забастовки и восстания, расшатывая гегемонию консерваторов на управление Колумбией. Г.Гарсиа Маркес в свое время описал в «Ста днях одиночества» массовое убийство рабочих «Юнайтед Фрут компани», что привлекло к «банановой забастовке» внимание международного сообщества. Мария Кано, Игнасио Торрес Хиральдо, Томас Урибе Маркес, Альберто Кастрильон — вот те персонажи в исследовании Мешката и Рохаса, которые были неплохо известны колумбийцам на рубеже 1920—1930-х годов, а потом надолго оказались если не вычеркнутыми из истории, то отодвинутыми на ее задворки. Но мало кто знает, что руководителем этой акции был активист PSRC Рауль Маэча, организатор ряда рабочих выступлений. И в забвении этих людей были виноваты вовсе не конкуренты из либеральной и консервативной

партий, а товарищи по их же партии и победная поступь сталинизма внутри Коммунистического Интернационала.

Забастовка на банановых плантациях заставила Москву обратить внимание на Колумбию, задуматься над стратегическим значением всего региона, но именно в этот момент в аппарате всемирной компартии поняли, что активисты PSRC могут и не захотеть стать пешками на шахматном поле мировой революции. Ведь многие из них обладали собственным опытом, были революционерами, но революционерами с фантастической смесью либеральных, полусоциалистических, антиклерикальных, анархистских и повстанческих идей. Вот что писал в конце 1920-х годов один из руководителей Коминтерна Ж.Эмбер-Дро: «Гам, безусловно, есть великолепные революционные рабочие элементы ... вроде Маэчи, с которым можно работать. У него характер анархиста-путчиста, который не любит много рассуждать, но это по-настоящему революционный характер, он связан с массами и умеет их организовывать и готовить к борьбе. Он руководил всеми забастовочными выступлениями в Колумбии. Из него можно сделать хорошего коммунистического активиста, но важно помочь этим товарищам, изучать с ними их опыт,

дискутировать с ними, обучать их, несмотря на определенные недостатки (они заявляют, что в Колумбии нельзя делать так, как в Германии или России и т.п.); дискутируя с ними, напоминая им их опыт, можно заставить их понимать ряд вещей»*. Но это была точка зрения сотрудника Коминтерна, вскоре отстраненного от должности в ходе борьбы с «бухаринским правым уклоном». Новые лидеры всемирной компартии рассуждали гораздо жестче.

Образ мыслей и действий активистов PSRC—PCC не уместился в рамках, созданных новой коммунистической «церковью», и это настораживало и раздражало иерархов III Интернационала. Все это спровоцировало чистку в рядах партии, осуществленную под руководством одного из ее молодых активистов — Гильермо Эрнандеса Родригеса («Гильена») — интеллектуала, отправленного на учебу в Москву и непосредственно участвовавшего, по данным составителей антологии, в разработке новой «колумбийской линии Коминтерна». Вскоре и он сам пал жертвой внутрипартийной «охоты на ведьм». Речь, однако, шла не просто об исключении неудобных людей из PSRC. Была поставлена задача заставить колумбийских революционеров всецело окунуться в бесславную кампанию по самокритике и беспрекословно подчинить их воле Москвы. Для этого и Исполком Коминтерна, и его Южноамериканский секретариат были готовы пойти сколь угодно далеко, даже если ценой этого оказывалась потеря достижений партии. Так, в конце 1929 — начале 1930 гг. ЮАСКИ потребовал от революционных социалистов снять с президентских выборов кандидата партии Альберто Кастрильона (находившегося в тюрьме за участие в забастовке). В вину ему было вменено воззвание к «буржуазной юстиции» разобраться с его «несправедливым тюремным заключением». «Недостойное поведение» кандидата лишало его, по мнению коминтерновцев, права баллотироваться от PSRC в президенты страны. Колумбийцы поначалу отказались выполнить это распоряжение, тщетно пытаясь убедить III Интернационал в том, что такие

* Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 79, д. 53, л. 22.

действия в разгар выборов окажутся вредными и фатальными для партии. Но в конце концов руководство партии было вынуждено подчиниться международной коммунистической дисциплине. Проголосовал за это решение и лидер PSRC Томас Урибе Маркес*, вскоре оказавшийся одной из очередных жертв кампании по «ликвидации прошлого». А затем в Колумбии появляется делегация Коминтерна, целью которой было основание «подлинной» компартии, способной осуществить политические и организационные действия, обозначенные в феврале 1929 г. в письме руководства III Интернационала колумбийским левым. Ключевыми фигурами делегации были «Гильен», вскоре избранный генсеком PCC, его жена «Инес Мартель» (венесуэлка Кармен Фортуль), аргентинец «Росалес» (Мигель Контрерас), американец «Джозеф Зак» (Джон Корнфедер). На состоявшемся пленуме ЦК PSRC Урибе Маркес публично каялся в «путчистском» прошлом, А.Кастрильон также демонстрировал отказ от прежней линии, чтобы не быть исключенным из партии. Так «Гильен» дал старт новой кампании: PCC и Коминтерн были готовы «простить грехи» прежним лидерам партии при условии полного подчинения и готовности «ликвидировать прошлое». Сам термин появился в названии документа, написанного другим посланцем PCC в Москву — И.Торресом Хиральдо, который на нескольких страницах отказывался от имевшегося у него партийного опыта как «недостаточно коммунистического и буржуазного». Из Боготы «Гильен» требовал от товарища по PSRC—PCC четко обозначить «свою позицию в отношении борьбы против путчистского оппортунизма внутри партии»**. Торрес Хиральдо был вынужден порвать все связи с Т.Урибе Маркесом, на контакты которого с парторганизациями новое руководство компартии глядело с ревностью. Те же, кто отказался поступить подобным образом, как например, супруга Торреса Хиральдо Мария Кано, были изгнаны из рядов компартии.

В воспоминаниях «Пятьдесят месяцев в Москве» практически отсутствуют ин-

формация о том, как Торрес Хиральдо «ликвидировал прошлое», и подробности организации поездки в СССР. Зато книга наполнена славословиями по поводу успехов социалистического строительства, коллективизации, создания «нового советского человека», борьбы с «контрреволюционными вредителями». Лишь один раз, пожалуй, автор позволил себе вольность, когда заговорил об аресте руководителя лендерсекретариата Южной и Центральной Америки Г.Б.Скалова («Синани»), «оказавшегося троцкистом, даже вовлеченным в бесстыдное убийство великого большевистского руководителя в Ленинграде товарища Кирова». Торрес Хиральдо не выдерживает: «Каким был Синани, Синани, которого я знал? <...> Отношений помимо работы у меня с Синани не было. Он обращался со мной очень уважительно. <...> Офицер царской армии, перешедший во время революции со своими людьми в революционные ряды в районе Казани. Потом он участвовал в народной защите советской родины от внутренней контрреволюции и империалистического вторжения четырнадцати стран. <...> Синани оставался красным командиром, носил военную форму и всегда ходил с «орденом Ленина», наградой, полученной за его заслуги» (с. 238—239). На этом рассказ обрывается, никаких выводов в духе «а оказался не тем, за кого себя выдавал», нет. Как нет и слов в защиту коминтерновского функционера. Но и этот рассказ дорогого стоит, если вспомнить, что впервые эти слова были опубликованы в те времена, когда имя Синани было вычеркнуто из истории III Интернационала.

Вернемся к антологии. Отношения нового партийного руководства с ячейкой в Кали служат наглядным примером навязывания новой дисциплинарной линии. Кали являлся важнейшим центром деятельности революционных социалистов, там располагалась штаб-квартира Национальной рабочей конфедерации и типография газеты «Humanidad» — главного печатного органа PSRC. Позднее ЦК PCC потребовал переместить типографию в столицу, но, встретив отказ, обвинил калийских однопартийцев в регионализме и нарушении дисциплины. «Гильен» продемонстрировал немалые «большевизаторские» способности: на месте подобрал

* Протокол заседания пленума PSRC. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 44, л. 1—7.

** Письмо «Гильена» от 12 апреля 1931 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 52, л. 18.

активистов, которые организовали ячейки, провели пленум для замены региональных лидеров. Впрочем, вскоре после этого парторганизация в Кали стала неэффективной и развалилась. Письма «Гильена», прежде всего в Карибское бюро Коминтерна, свидетельствуют о тяжелой финансовой ситуации молодой компартии, которой не хватало ни денег на издание газеты, ни средств на организационные поездки по провинциям; финансовый отдел III Интернационала так и не выполнил обещания предоставить необходимые субвенции*. В этих условиях компартия жила за счет средств Международной организации помощи революционерам, предназначенных для помощи жертвам правительственных репрессий (когда это стало известно, разразился скандал)**. Но для Москвы и для беспрекословно слушавшего ее ЦК важнее была готовность сразу же подчиняться любым директивам.

Через пару лет Коминтерн все же был вынужден признать, что его политика по направлению в Колумбию миссий из Москвы привела компартию к полному банкротству. Новые лидеры РСС перестали устраивать руководство III Интернационала, так же, как до этого вожди PSRC. Так, в проекте секретного письма Коминтерна в РСС прямо

* Письма «Гильена» в КБ КИ от 4 декабря 1931 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 52, л. 24—27.

** См. «строго секретный» документ начала 1932 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 52, л. 16. Томас Урибе Маркес в письме от 29 марта 1931 г., направленном в Коминтерн, сообщил о нецелевом использовании средств МОПР на оплату Корнфедера. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 52, л. 5—13.

говорилось: «Партия должна бороться против правых элементов, дезертировавших с поля борьбы против войны (Гильермо Эрнандес и Инес Мартель); бороться против политических разложившихся элементов, попытавшихся отдать партию в руки либералов посредством Пакта Тунха* (Хильберто Виейра, Сервио Тулио Санчес, Алехандро Барреро**))». Но эта оценка была сделана тогда, когда «ликвидация прошлого» PSRC уже была завершена. А вместе с ней, по сути, и ликвидация эффективной и самобытной политической силы (в левом спектре).

Все это подробно описывается в антологии, опубликованной двумя учеными, сумевшими очертить новые штрихи истории раннего латиноамериканского коммунистического движения. Переиздание же книги И.Торреса Хиральдо одновременно с выходом в свет документального сборника оказывается не просто удачным совпадением, а фактическим дополнением к нему, иллюстрирующим эффективность работы коминтерновцев по перековке «старых кадров» в «коммунистов нового типа». Вопрос об успехе в целом стратегии III Интернационала в Колумбии оставляем за скобками.

* Пакт Тунха — Соглашение о свободных действиях революционных социалистов и либералов.

** Письмо датировано 4 ноября 1933 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 57, л. 29—33.

В.Л.ХЕЙФЕЦ, Л.С.ХЕЙФЕЦ
(ilaranspb@hotmail.com)